

Григорьева Л.И.: «В религиоведение я ниоткуда не приходила. Я в нем родилась, сформировалась и выросла. Часть 2¹»

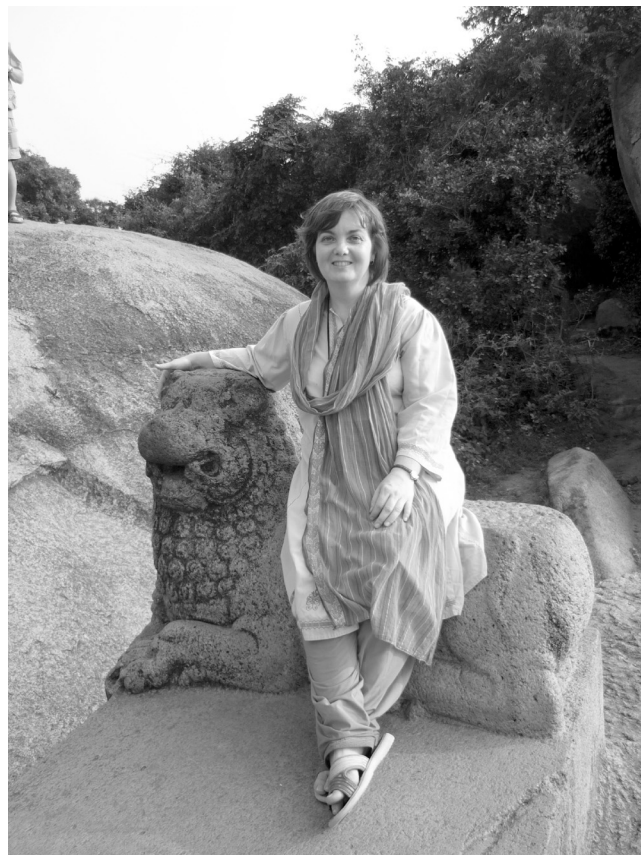
— Люда, пожалуйста, разверните сказанное о результатах Вашего докторского исследования...

— Если "развертывать", со всей требуемой научной аргументацией, боюсь, что получится многовато — порядка пятисот страниц. Поэтому я лучше наоборот "сконцентрируюсь" на ключевых тезисах и выводах.

Первая часть моей докторской касается природы и специфики самого явления НРД или, точнее, объекта моего научного исследования — ньюэйджевских культов. На своей вводной лекции по данному курсу, я предлагаю студентам: "Представьте себе ортодоксального христианина, который искренне веруя, отправится в мечеть, чтобы проповедать Бога Распятого и водрузить крест на киблу.. Или мусульманина, который восшествует в синагогу, чтобы там, в священном месте, совершать пятикратный намаз... Или иудея, который в Индии начнет, обращаясь к Тримурти, славить Бога в его лице, или точнее, в его лицах..."

А вот у последователей ньюэйджевских культов никаких таких проблем и нет вовсе. На их домашних "иконостасиках" я много лет с любопытством рассматриваю, например, портрет Виссариона (Праххупады, Нирмалы Дэви, Оле Нидала, Кармапы и т.п.) в обрамлении православных иконок и католических картинок, арабской вязи исламских молитв, прилепленных над фигурками китайских и индуистских божеств, священных камушков и веточек, душистых палочек и церковных свечечек. Сергей Борисович Филатов в одной из своих работ сравнил ньюэйджевское пространство с лемовским океаном из "Соляриса" — однородное, аморфное, текучее и пластичное непонятно что, трансформирующееся в мириады любых внешних форм, типажей и проекций.

Иначе говоря, вне зависимости от своих самых разнообразных фасадов, бантиков и рюшечек, символов и лозунгов, харизматичности лидеров и численности последователей, глубинным ядром вероучений ньюэйджевские культы имеют общий принцип, выражаемый краткой формулой "религий много — Бог один". Даже в тех случаях, когда это не очевидно. Изначально обратив внимание на однотипность лиц, интонаций и проблемных полей в различных сообществах, я начала предметно исследовать вероучительные тексты и праххупадовских кришнаитов, претендующих на традиционалистскую аутентичность с классическим бенгальским вайшнавизмом, и сайентологов, называющих себя современной "наукологической" религией, и Церкви Последнего завета — Виссариона, именуящего себя Христом во втором пришествии, и ряда других заметных и влиятельных движений данного типа. В итоге возникшая гипотеза полностью подтвердилась. Везде и всюду мною была обнаружена четко сформулированная идея о том, что все, абсолютно все религии восходят к одному и тому же сакральному источнику. И это: нет, это не совсем тот, а скорее всего и совсем не тот Бог, который когда-то открыл себя на Синае избранному народу... Это: "Космический Разум", "Абсолют", "Всеенское информационное поле", "Божественное, дремлющее начало самого человека", "великое Нечто или Великое ничто", и так далее до бесконечности. Где "тот, который есть то, что он

есть" низводится на уровень частного феномена в гранях иных и разных проявлений сакрального первоисточника, а его сыновняя ипостась рассматривается через запятую в перечне великих и весьма абстрактно почитаемых пророков человеческой истории.

Конечно, здесь появляется соблазн апофатического дискурса, но...! Лозунг "религий много — Бог один", по своей сути исходно является антитезой первой из десяти библейских заповедей "да не будет у тебя других богов перед лицом моим".

С этим ньюэйджевским лозунгом вряд ли смогут согласиться и иные мировые и национальные религии, будь то буддизм, исторически сложившиеся верования Индии, Китая или любые другие традиционные религии народов мира. Неприемлемость язычества для авраамических религий, неприятие авраамического монотеизма индуистами, синтоистами, даосами и так далее. В эзотерических традициях, гностицизме, масонстве и тому подобных скрытых течениях, принцип этот имел место быть и в ранешние времена. Так же как и в европейской философии религии Нового и Новейшего времени, прозревавшей начало великой цивилизационной интеграции. Однако в традиционном поле конкретных религий иначе как ересь этот тезис не определялся и не определяется — достаточно посмотреть антикультовую аргументацию так называе-

¹ Начало этого интервью смотри: Григорьева Л.И.: "В религиоведение я ниоткуда не приходила. Я в нем родилась, сформировалась и выросла" // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 5. С. 2-12.

мого сектоведения любой традиционной религии, особенно ислама или христианства. Общие типичные черты этих культур: всеядность и поверхностность, упор на простые и понятные практические вещи в большей степени, чем на сложное и серьезное собственно религиозное углубление, требующее последовательности, духовной дисциплины и непрерывного труда. Обрывки, кусочки и лоскутики, понадерганные отовсюду, но скрепленные крепкой нитью новых реалий и качественно новых проблем. Лоскутные пестротканые мозаики игрового, но безумно настоящего и кричаще — надрывного постмодернизма.

Причиной, порождающей, подпитывающей и провоцирующей такое принятие универсалистского религиозного дискурса, на мой взгляд, является объективная реальность последних полутора сотен лет, связанная с научно — технической революцией и всемирной интеграцией, сегодня определяемой как глобализация. Насколько же проще жителю интернационального мегаполиса принять означенный ньюэйджевский лозунг, нежели упираться в собственную, представляющуюся уже архаической, традицию. Насколько естественно думать так же виртуальному путешественнику, нажатием кнопки пульта телевизора или компьютерной клавиатуры мгновенно перемещающемуся в разноликое и тем притягательные пространства иных культур и цивилизаций.

Но ньюэйдж говорит и про другое. Комплекс совершенно новых проблем, порожденных качественно новыми реалиями человеческого бытия, вызвал к жизни и новые ответы, в том числе в проекциях новой религиозности. Не случайно, социологи всего мира, исследующие этот бурно развивающийся феномен, солидарны в том, что в его составе тон задают представители среднего класса, активные, образованные, в меру состоятельные, и я бы добавила — креативные. Но если в шестидесятые это были по преимуществу молодые бунтари, что вполне вписывалось в тезис У.Черчилля: "Кто в двадцать не революционер — тот подлец, кто в пятьдесят не консерватор — тот дурак", то сегодня возрастная планка смещается. Задорные и энергичные представители третьего возраста, в нашем случае — недавние комсомольские и профсоюзные активисты, ломают традиционалистские стереотипы, скандируя: "Нам никогда не будет шестьдесят, а лишь четыре раза по пятнадцать!", бодро пополняют ряды искателей новых духовных откровений, исцелений и омоложения.

В целом качественную трансформацию сакральных смыслов онтологического и аксиологического характера, соотносимых с классическими религиозными формами можно кратко обозначить еще несколькими важнейшими позициями:

— теоцентризм сменяется антропоцентризмом. Не "тварь дрожащая", а "человек — это звучит гордо... так как сиречь сам себе бог есть" (несколько по-советски узнаваемо, хотя здесь не идеологическая, а сугубо религиозная проекция). Издержки человека века двадцатого — "царя природы" и "покорителя мира" в неорелигиозной интерпретации.

— псевдосциентизм: излюбленное вступление, универсальный аргумент манипуляции и бесконечный припев к каждому ньюэйджевскому вероучительному откровению: "в последние десятилетия ученые доказали, что...", "современная наука уже установила...", "академик такой-то выявил потрясающие вещи..." и далее — чакры, мантры, йети, инопланетяне, торсионные поля, фохатизация всей планеты, астральное, ментальное, и прочие энергетические тела, экстрасенсорные способности самоомоложения, тотального холистического исцеления и трансформации в сверхчеловека... уже в процессе! Только у нас, самых передовых и особенных! и по весьма сходной цене... Да и собственные центры иначе как "институтами", "академиями", на худой конец "школами высших (сакральных, эзотерических, тайных) знаний" себя не называют. Понятно, в связи с тем, что роль и влияние, проблемность, полипарадигмальность реальной науки в современном мире, вероятно, не требуют здесь

специальных комментариев.

— посюсторонность под лозунгом "спасение здесь и сейчас!". Призрачные до нереальности для человека, воспитанного в секулярной среде, потусторонние перспективы спасения или гибели, в представлениях типичного ньюэйджера замещаются реалистическим духовным гедонизмом в бесконечных вариациях на любой спрос: от авантюрных сакрально-мотивированных путешествий до творческого около-аскетического мазохизма, от креативных домашних тусовок до увлекательного коллективного строительства "этого нового прекрасного мира" где-нибудь в сибирской тайге или болотах южной Индии и так далее... Вечная позитивная посюсторонность, вечно розовые очки, в которых посмертное бытие — увлекательное путешествие в стиле Джонатана Ливингстона или ура-реинкарнация с безусловно хорошим продолжением. Парадоксальное внешне, протестное бегство от культа потребления и потребительства, и все новые и новые раздражители, быстро приходящиеся и сосущая, бездонная не наполняемая пустота внутри, требующая все новых и новых попыток ее преодоления. Потеря смысла через ломку того, во что верил изначально, но был обманут, поиск и моделирование новых идеалов, которые оборачиваются старыми граблями... Протест, на фоне всеобщего внешнего благополучия и даже пресыщения, и снова бег по замкнутому кругу. Вокруг себя, любимого, со все теми же жгущами и мало меняющимися внутренними проблемами и состояниями. Неудовлетворенность сквозь видимость вседозволенности и пресыщенности, — фактор, весьма неожиданный, хотя и случавшийся уже в контексте мировой истории. Фактор, не менее грозный, чем явные катастрофы, как для человека, так и для человеческой культуры. Увы...

— оптимистическая футурология. Конец света уже прошел, расслабьтесь и возрадуйтесь! Это был не тот конец света, который в Апокалипсисе, а тот, который в теософии: это конец Кали — юги и наступление золотого века, конец Эры Рыб (христианской) и наступление Эры Водолея (ньюэйджевской), конец эры мужской грубой силы и наступление эры великого женского начала, конец эпохи Отца небесного и начало эпохи Матери мира и Земли — Матушки ... И вообще, тот конец света, которого ждут почитатели Торы, Библии и Корана — мы не допустим, потому что он ментально моделируется теми, кто о нем думает и говорит. Впереди — сплошной позитив. "Зачем же нам конец света?" — звучит подтекстом в игровой надрывной культуре ньюэйджа. Ведь именно сегодня настоящий, подлинный конец света стал как никогда возможен и абсолютно нерелигиозно реален. Пусть уж лучше будет пир во время чумы, которую мы как бы и не замечаем... или "ментально и духовно преобразуем..."

— феминистский дискурс духовного лидерства: женщина — источник жизни, смыслов, пророчица и устроительница (все с большой буквы). Следовательно — не ребро, не "помощница человеку", не жена и мама в традиционной семье, но свободная духовная искательница, вдохновительница, экспериментаторша и лидерша. Елена Блаватская и Елена Рерих, Мэри Профет и Марина Цвигун, Луиза Хей и Барбара де Анджелис, — духовные наставницы и идеалы... Подумалось, что только у одной из всех названных женщин (Елены Рерих) была счастливая личная жизнь и два замечательных сына, поскольку ей одной очень повезло с мужем. Скажу как женщина: мне этот аспект представляется бумерангом, долбанувшим по самим феминисткам. По принципу "за что боролись, на то и напоролись". Или просто неким компенсирующим выходом для тех активных, ярких, неординарных и внешне успешных женщин, которым в свободном полете не случилось встретить своего настоящего мужа, как бы очень того не хотелось... Или не очень счастливым в браке... По крайней мере, в российских ньюэйджевских движениях, по моим личным наблюдениям, такие женщины составляют весьма заметную часть их актива. О современной кризисе института семьи, проблемных межполовых от-

ношениях и демографических диспропорциях, прежде всего в так называемых развитых странах и в России социологи уже написали и продолжают писать столько, что и тут мои пространные комментарии излишни.

— сакрализованный антиурбанизм с призывом: "назад — к природе!" Усталость потомственного горожанина от прогресса, вечной гонки, вечного цейтнота, вымороченной жизни офисного планктона или иного винтика холодного социального механизма, бетонно — стеклянных катакомб мегаполисов и одуряющего рутинного бытия по алгоритму дом-работа-телевизор (компьютер). Пасторальные иллюзии "простой и естественной жизни на лоне природы", мечты о бабочках — цветочках — березках, звенящих прозрачных ручьях и чистом-лучистом снеге, вокруг уютной маленькой избушки... Где коровы питаются круглый год подножным кормом, один кедр может прокормить целое семейство, один гектар "родового поместья" — род, где все растет само собой, а белочки и птички, прирученные и счастливые приносят нам семечки и орешки. И в итоге спектр культовых предложений — от летних неоязыческих фестивалей до реальных избушек, хорошо, если не развалюшек, взамен проданной городской квартиры, коллективных или индивидуальных поселений ньюэйджевского толка под различными вывесками или вовсе без оных, по великим и необъятным просторам нашей Родины...

Вторая часть моего исследования посвящена проблемам личности, точнее личностной мотивации последователей рассматриваемых движений. Путем достаточно наглядных и документально подтверждаемых подсчетов, в работе обосновывается весьма и весьма скромная численность активных участников российских ньюэйджевских движений и объединений. Не абстрактные миллионы или сотни тысяч "зомбированных сектантов", а сотые доли процента населения нашей страны. И здесь возникает вопрос: кто же эти очень немногочисленные и очень странные люди, которые вопреки все тем же страшилкам о "сектах", среди которых формировались и они сами, вопреки общественному мнению и видимому здравому смыслу, будучи совершеннолетними, вменяемыми и дееспособными оказываются невесть где и невесть зачем, резко поменяв привычки, круг общения, самый способ существования...

Как о том уже было мною сказано выше, многолетнее общение с сотнями людей из различных ньюэйджевских объединений привело меня к однозначному мнению о целенаправленном и совершенно осознанном поиске и выборе своего пути подавляющим большинством этих личностей.

Если говорить об этом предельно кратко и сжато, то общим выводом, сделанном на основании огромного числа автобиографических рассказов моих информантов, больше напоминающих исповеди, порой многочасовые, общая причина их поиска и выбора — невозможность продолжать дальше жить "как все". За внешне бодрыми и гордыми, улыбающимися и обаятельными, бесценными и самоуверенными масками открывались такие изломанные, исковерканные, измученные, растерянные и судорожно, упрямо мечущиеся души, что передать это парой общих фраз боюсь, что у меня просто не получится... Сказать, что это острая неудовлетворенность — значит, почти ничего не сказать. Это просто — вопреки всему жить не по рекламным стандартам телевизора или голливудской продукции, а по зову протестующей души, порой уже болящей или немеющей до такой степени, что все остальное-внешнее (включая пресловутое общественное мнение) становится совершенно неважным. В девяностых для многих это был способ в разверзающихся хлябях нащупать спасительную кочку. И не важно, уйдет ли эта кочка вместе с тобой в болото через время, главное сейчас — зацепиться и выжить, отключиться от внешнего, навязанного и уплыть вместе со своей пораненной душой в те иные миры, в которых будет хорошо... В которых сразу — хорошо.

Для нашей страны особым стимулом появления ньюэйд-

жевской религиозности стала пресловутая перестройка. В реломные девяностые рухнуло все, что было прежде. И те, для кого отречься от всего прежнего стало равносильно отречению от себя самого, не перестроившиеся, не смирившиеся, не приспособившиеся... стали просто гибнуть. Тихая, неэпатажная статистика прошедшего двадцатилетия — о динамике смертей от сердечно — сосудистых заболеваний, гипертонических кризов, инсультов, алкоголизма, наркомании, суицидов, психических заболеваний... Эти цифры в разы больше, гораздо страшнее, зато не так проявлены и заметны во внешнем мире. Следовательно, в отличие от ньюэйджегов не провоцируют и не особо будоражат общественное сознание. Все это и многое сюда же... Обесмысливание жизни и нивелирование ее до уровня простого существования. Существования, в котором высокую романтику веры и служения, подвига и самопожертвования, любви и дружбы, бескорыстия и верности заменили эрзацы потребительского бытия с их плоскими утилитарно — прагматическими предложениями, рутинностью, неприкрытым цинизмом и бесстыдством, культом денег, насилия и секса, воинствующей пошлостью, всем тем, что в академических кругах зовется аномией, со всеми вытекающими. "Если Бога нет, то его следовало бы придумать"... Но для постсоветского искателя духовности знаменитая фраза Вольтера на этом месте и заканчивается, ведь видеть, что в этом нет необходимости, ибо "вся природа кричит о том, что Он есть", как завершил сей тезис ироничный француз, его не научили ни в теории, ни в реальности... В самых легких случаях, особенно в последнее десятилетие, — тотальная скука и тоска, протест против обыденности, желание приключений, острых впечатлений, ярких переживаний, необычных знакомств, нового зажигательного опыта. Не всем по плечу пути Тура Хейердала или Федора Конюхова, но в своей собственной жизни безумное стремление к свободному полету в стае таких же "белых ворон" в неведомые дали, для некоторых становится риском, ради которого они готовы поступиться не только общественным мнением, но и собственными близкими, иногда и самой жизнью. Невостребованность, невозможность выплеснуть избыток нормальной жизненной энергии и социальной активности, острая жажда высокого смысла, романтики, самореализации, эксперимента, нонконформизма — все это, оформленное в эпатажные ньюэйджевские культы было названо мною "социальным набатом" — "По ком звонит колокол...?" Не по каждому ли из нас...

— Вы консультируете властные структуры по вопросам политики в области религии. С какими проблемами они сталкиваются, в какой мере прислушиваются к Вашим рекомендациям?

— Власть и религия — тема совершенно отдельная. Когда-то, в далеком теперь 1994 году, я робко задала вопрос на эту деликатную тему своему первому научному консультанту — Эдуарду Геннадьевичу Филимонову: "Как Вам удалось, будучи совсем не политиканом, не конъюнктурщиком (читай — нормальным, совестливым человеком) стать директором Института научного атеизма СССР?" Эдуард Геннадьевич меня хорошо понял. И мягко улыбнувшись, ответил: "Понимаешь, при всем прочем, властям во все времена в конкретных ситуациях бывают нужны реальные специалисты... И конъюнктурщик тут ничего не сделает". Эту сентенцию я вспоминала потом неоднократно. В моей дальнейшей судьбе не только консультирование, но и мое собственное, пусть не очень продолжительное, но очень интересное "хождение во власть" принесло и еще одно важное понимание. Мифологемы общественного сознания, формирующие представления о власти, как чуть ли не о банде "поголовно коррумпированных бездушных чиновников", жестко контролирующих все аспекты социальной реальности, этаких монстрах, прорывающихся к кормилу лишь в целях собственного утверждения и обогащения, так же далеки от реальности, как и мифы о "миллионах зомбированных сектантов". И там и здесь встречаются очень разные люди. Попадают порой весь-

ма экзотические персонажи. Много ярких, неординарных личностей, много просто хороших очень ответственных добросовестных тружеников, ну и любых других, которые в конкретных жизненных ситуациях ведут себя, соответственно, очень по-разному.

Впервые, краевые власти обратились ко мне летом 1994 года, когда перед ними встала непростая задача — разобраться и понять что творится на юге края, в Минусинске и его окрестностях, куда понаехали странные люди со всей страны, поклонники бывшего милиционера ППС и самодельного художника Сергея Торопа, объявившего себя ныне "Христом во втором пришествии". Принять участие в готовящейся выездной комиссии я сходу согласилась, тем более, что небольшой опыт личного знакомства с Виссарионом, как стал именовать себя "новый мессия", у меня уже был. Правда отправилась я туда не с официальной делегацией властных структур, на черных "Волгах", а своим ходом, что называется "с улицы". И, как и предполагала, обнаружила за пять дней своего полевого исследования и для себя и для пригласившей стороны весьма и весьма много интересного и даже неожиданного.

Второй звонок из "серого дома" (как называют у нас здание администрации края), прозвучал в нашей квартире уже через год и оказался для меня, свежиспеченного кандидата философских наук, преподавателя кафедры философии и социологии педагогического университета, совершенной неожиданностью. Мне прямо, без обиняков предложили поменять место работы и стать специалистом по делам религий одного из структурных подразделений администрации края. На тот момент, после упразднения в 1991 году должности Уполномоченного Совета по делам религий, этой темой во властных структурах края никто предметно и тем более профессионально не занимался. Я некоторое время пребывала в легкой растерянности, не очень понимая зачем мне это нужно и нужно ли вообще... Убедил меня в резонности такого изменения профессии мой старший брат Алексей, имевший опыт работы инструктором крайкома комсомола еще в советские времена. На первой встрече с моим будущим начальником, о которой я уже упоминала, Натальей Игнатьевной Григоренко, трудно сказать, кто из нас больше волновался — я или она... Но уже осенью мы вместе с ней и еще рядом руководителей снова отправились к виссарионовцам. И эта поездка получилась достаточно продуктивной. К моим выводам и рекомендациям прислушались однозначно. В те поры нашим губернатором был интеллигентный и выдержанный профессор-экономист Валерий Зубов, ныне депутат Государственной Думы. При нем в администрации края порядки были очень демократичными. Например, не представляло проблем зайти в здание и прогуляться по всем его этажам и приемным, включая и губернаторскую, любому желающему. Для этого было достаточно сообщить милиционеру на входе, что ты идешь пообедать в местную столовую, что никому не возбранялось. Посетители официальные шли сплошным потоком, вопросы решались по мере поступления и возможностей. Мне выделили персональный маленький узкий и вытянутый кабинетик (что для рядовых специалистов было роскошью и редкостью), в связи со спецификой моих посетителей.

Да уж, есть о чем вспомнить. Дивный православный священник Н., дедулечка — божий одуванчик, ратовавший за открытие нового монастыря, одновременно отгоняющий бесеный у меня за левым плечом и приветствующий ангелочков за правым... Громила Д., весь фиолетовый от наколок, который дико вращая глазами, требовал, чтобы я призвала к порядку епископа Антония, который не желает признавать их "новое православное братство "Благодарного разбойника", из таких же, как он сам "недавно откинувшихся" бандюков и убийц. Обязательный примас (так и хочется написать "примус") местных католиков, поляк Антоний Бадюра, огорченный тем, что религиями ведает не мужчина. И вовсе не из женоненавистнических

мотивов, а потому, что творчески применяя местные традиции в католических целях (вероятно, в соответствии с решениями второго Ватиканского собора), он проводил неформальные посиделки со всеми значимыми персонами (в том числе протестантскими лидерами) в собственной баньке при хорошем таком домишке — монастыре. А с женщиной этот приемчик не работает, обидно, однако... И очаровательные монашки — кларетинки, которые упражняясь в русском языке на монастырских застольях, куда и меня приглашали несколько раз, увлеченно так распевали под гитару: "Ой цветет калина в поле у ручья, парня молодого полюбила я!". Вереницы протестантов всех деноминаций, которыми как известно в религиозных кругах, отличается наше Зауралье. Председатель Сибирской Христианской Миссии Милосердия евангельских христиан, Виталий Иванович Коломиец, через руки которого проходили сотни тысяч долларов на благотворительные цели, а сам он ютился с женой и семьей детьми в малюсенькой комнатке типового общежития. Молодой и талантливый выпускник Одесской баптистской семинарии, строитель красивейшей новой церкви "Благодать", реформатор и политик, бесспорный авторитет среди всех тогдашних протестантских лидеров нашего края, Александр Иванович Пузанов. Вынырнувшие из подполья Свидетели Иеговы, их лидер Евгений Николаевич Зинич, интеллигентный, спокойный, с мягким и очень тонким юмором, подтянутые и пока еще мне малоизвестные мормоны, несущие пачки своей литературы и видеокассеты с собственной продукцией. Регулярно навещавшийся, по поручению правящего архиерея родной РПЦ, светлой памяти молодой и непосредственный о. Валерий С., периодически с детским простодушием сообщавший, что: "...а вот, знаете, вас ведь все считают тайным белым братом.", через год моей работы в администрации: "а вот знаете, ведь вас теперь все считают тайной протестанткой.", еще через год: "а вот знаете, а уж теперь -то вас все считают тайной иудейкой...". Милейший Яков Вольфович Бриль, с которым вместе мы организовывали и курировали визит в наш город директора Института иудаизма в Израиле, похожего на сказочного гнома, удивительного маленького, доброго и очень мудрого раввина Адина Штайнзальца. Странно вспоминать теперь, что в те не столь уж давние времена, мусульмане в Красноярске были представлены в основном сибирскими татарами, а Вильдан Вильданович Авхадиев, возглавлявший местную общину, был спокойным стареньким дедушкой, весьма далеким от политических страстей и проблем межэтнического взаимодействия мусульманских диаспор. Разборки в исламской среде, в основном среди мусульман — азербайджанцев тогда уже были, но на уровне криминальной конкуренции в дележе рынков и других экономических сфер влияния. Что к моей непосредственной теме прямого отношения не имело. С моей любимой Натальей Игнатьевной мы уже летом 1996 года организовали и провели грандиозное обследование виссарионовцев. Собрали в свою команду 36 разных специалистов: врачей, представителей органов образования, соцзащиты, психологов. И конечно же, провели масштабное социологическое исследование, результаты которого были позднее опубликованы мною в первой монографии и двух статьях о Церкви Последнего Завета. Подвел нас в этой экспедиции только один член нашей комиссии — тогдашний главный психиатр края, по совместительству ведавший еще и наркологией. Сразу же, едва успев сесть в поезд, везущий нашу доблестную комиссию в Курагинский район, он начал кушать водку большими порциями, ссылаясь на нервные перегрузки своей особенной работы, утром продолжил столь же рьяно опохмеляться и не просыхал до тех пор, пока мне не пришлось на второй день пребывания в поселениях ЦПЗ просто жестко выставить его обратно, с глаз долой...

Работалось мне легко. Было полное понимание с руководством, мы исходили из единого видения приоритетов — гражданского мира и согласия, примата конституционных принципов, использования социальных ресурсов религиозных объе-

динений в интересах общества, в интересах людей. Самым важным и значимым в работе, для меня была возможность доступа к информации, касающейся всех аспектов нашей темы на официальных и около официальных уровнях, аналитика, выработка практических рекомендаций и их итоговая результативность. Как это выглядело со стороны? Сошлюсь на мнение моих уважаемых коллег. Спустя несколько лет после своей работы в администрации, будучи в Москве, зашла по обыкновению в книжный магазин, сняла с полки только что изданный "Атлас религиозной жизни современной России", открыла, как всегда наугад и ... прочитала: "Красноярские власти сотрудничают с различными объединениями, а не только с "традиционными", на практике. Несмотря на то, что в большинстве регионах России представители власти боятся привлекать все конфессии и религии к социальной работе, красноярская политика показывает, что таким образом власти решают массу задач по развитию гражданского общества... В 1990-е годы традиции мирного сосуществования религий и толерантности были сохранены и преумножены. Основы современной политики в определенной степени были заложены при губернаторе Валерии Зубове (в 1993-1998 годах), который стал поощрять благотворительную работу, прежде всего, православных, протестантов и католиков, и без большой симпатии относился к требованиям епархии получить как можно больше собственности. За религиозную политику при Зубове отвечала Людмила Ильинична Григорьева, чья деятельность фактически и сформировала нынешний образец отношений власти и церкви в социальной сфере (в настоящее время Людмила Григорьева — профессор, один из ведущих религиоведов Сибири)" [1].

Чем мы конкретно занимались в эти два с половиной спокойных года? Да много чем: решали вопросы о возвращении культовых зданий их законным владельцам, о выделении земли под строительство новых (например, именно в эти годы были заложены ныне действующие армянская церковь и мусульманская мечеть). Создали Общественный совет по делам религий при губернаторе, который коллегиально решал наиболее сложные и комплексные задачи. Из интересных инициатив вспомнилось наше масштабное, совместное с Фондом медицинского страхования, мероприятие по добровольческой (сейчас бы сказали — волонтерской) помощи больницам краевого центра и края. Проблемой стало то, что в отделениях тяжелых лежачих и послеоперационных больных катастрофически не хватало санитарок. Грошовой зарплаты, тяжелая, грязная работа. Случалось, что несчастному человеку, у которого в городе не было близких, некому было подать стакан воды, поправить подушку, обмыть и уж тем более, поддержать за руку, просто по-человечески поговорить с ним. Главные врачи всех крупнейших больниц — Второй городской, Глазного центра при краевой больнице, Больницы скорой помощи, Ожогового центра — с большой радостью поддержали этот проект.

После чего мы предложили лидерам всех зарегистрированных конфессий принять участие в этой долгосрочной акции. Одним из ключевых условий нашего соглашения было — помогать людям, но не проповедовать. Соблюдая принцип светскости и реализуя право на свободу совести. Откликнулись, прежде всего, крупнейшие протестантские конфессии и следом — Русская православная церковь. Составили пофамильные списки добровольцев, графики посещения больных, провели необходимое консультирование и теоретическую подготовку, оформили пропуск. Через полгода собрали на нашем Совете всех главврачей и всех представителей церквей, обсудили, что и как получается. Оказалось, что очень даже хорошо получается. Опыт начали расширять, привлекая те населенные пункты, в которых были стабильные организованные религиозные объединения. Эта акция продолжалась на протяжении многих лет и после завершения моей работы в администрации края. Наверное, кому — то покажется крамоллой, но когда администрация одного из районов города, в котором тогда дисло-

цировались наши социально активные кришнаиты, попросила привлечь их к социальной патронажной службе помощи старикам и инвалидам (пол помыть, за продуктами сходить, книжку почитать), то и здесь мы дали зеленый свет. Поскольку всех своих знаем, могу сказать, что ни один из опекаемых, кришнаитом в итоге не стал, а вот наши вайшнавовскоориентированные россияне, очень хороший опыт реальных добрых дел в своей жизни получили.

Все эти годы я продолжала и преподавать, и регулярно, примерно два-три раза в год, летать в РАГС на свою родную кафедру, консультировать коллег из всех регионов России по все той же любимой теме. Но когда после официальной части начинались самые важные неформально — кулуарные и задушевные вечерние общения, мне не очень удавалось вписываться в обсуждение с каждым годом все более насущной темы — у кого сколько скандалов и судебных процессов в религиозной сфере в минувший срок состоялось. Здесь похвастаться было просто нечем. Ни одного скандала, и, что сейчас тоже несколько странно вспоминать, ни одной судебной разборки. Все тихо — мирно. В 1998 году меня даже пригласили выступить на Комиссии по делам религий при Президенте, поделиться опытом нашей работы.

Что в этой работе меня не радовало? Да много чего. Ежедневное и круглогодичное обязательное залипание попой на стуле в четырех стенах с 9.00 до 18.00. Спасалась тем, что по закону о государственной службе преподавать не возбранялось, а согласовывать свое расписание с начальством удавалось без проблем. Огорчало, что возможность свободных полевых исследований так же резко сузилась. Три самых замечательных преимущества преподавательской профессии — июнь, июль и август, теперь проплывали мимо, за окном моего внесезонного и вневременного кабинетного пенала. Временами, особенно летом, когда поток посетителей и бумаг резко иссякал, и все затихало, казалось, что это принудительное высиживание stagnирует не только мышцы, но и мозги, и чувства, и самую мою жизнь. Не добавляло энтузиазма превалирование бумажной работы над живой, ее ритмичность и монотонность, что очень диссонировало с моим характером и привычками.

И все же иногда мне удавалось вырваться, используя преимущества новой профессии. Командировки, участие в профессиональных официозах, различные нами же организуемые мероприятия, общение с коллегами, забегавшими в перерывах на чашечку чая, нахождение в самом центре политических, быстро меняющихся событий. В целом, скорее нравилось, чем наоборот.

Но продолжалась моя спокойная и интересная жизнь в "сером доме" только до прихода нового губернатора. Которым стал легендарный харизматичный генерал Александр Лебедь. Вследствие этого жизнь моя стала еще интереснее, но вот спокойной быть перестала напрочь.

В те поры бои за власть были самыми что ни на есть настоящими: с компроматами, скандалами, интригами и даже побоями между представителями конкурирующих претендентов. Мы оторопело наблюдали по телевизору как с воплями и руганью вцеплялись друг другу в волосы борцы за демократическую избирательную кампанию. Не менее шокирующим было и "взятие серого дома" новой властью. Всю первую неделю с музыкой и гамом, залетные разбитные дамочки и хлопцы в кожаных и только что не с наганами на боку, тягали по кабинетам ящики с шампанским и поздравляли до поросычьего визга. Дым коромыслом от этой гульбы стоял такой, что после интеллигентного Валерия Зубова мы в принципе не понимали, что происходит и как такое возможно.

В команде Лебеда особым боевым задором выделялась некая могучая бабуля лет за шестьдесят, в красных сапожках, украинских нарядах и с косами вокруг головы, яркая и громогласная, как пожарная машина. Себя она называла не иначе, как "мать казачья" или "боевая подруга Александра Ивановича". И

действительно, эта выпускница торгового техникума, соратница Лебеда по Приднестровью, пользовалась неограниченным доверием боевого генерала. Вот с нее-то и начались изменения в моей профессиональной сфере. "Мать казачья" оказалась истово — православной и на этом основании решила взять на себя курирование религиозных вопросов. Наша первая с ней стычка, она же и первое знакомство состоялось как раз на этой почве. В первые дни воцарения новой команды коллеги принесли мне в кабинет газетки с новостями о том, что готовится публичное освящение администрации края. Поразвившись шуточками на тему о том, какую же бригаду сюда надо заслать, и о том, что всю ее стоит отправить в мой кабинет, куда кто только не ходит, я все же сочла необходимым написать служебную записку с указанием всех статей Конституции и законов РФ, согласно которым такое действие в этих стенах выглядело неправомерным и недопустимым. Коллеги слабо верили, что кто-нибудь из новых на это всерьез отреагирует. Однако, паче чаяния, в самый день назначенного освящения, с утра пораньше меня вызвали к одному из советников губернатора, который оказался весьма озадаченным, открывшимися ему вдруг непредвиденными юридическими обстоятельствами. После недолгих обсуждений решили спустить ситуацию на тормозах и попросить отцов отслужить молебен перед крыльцом, к радости собравшихся там со всего города православных бабулек. Всех, кроме одной, той самой "казачьей матери". Подлетев ко мне, она грозно возопила: "Это ты что ли отменила, то что я назначила!?" Пришлось скромно объяснить, что отменять — не в моих полномочиях. А вот проконсультировать о законе, да, конечно. С этого дня у меня появился свой личный, персональный враг в лице означенной "боевой подружки". Вскоре все верующие со своими вопросами стали направляться уже не в мой, а в ее кабинет. И это было весело! Скажем, забегают ко мне баптисты, спрашивают: "Как там эта новая?". Я им говорю как есть: "Она протестантов не любит, будьте повезливее!". А через полчаса они снова вваливаются в мой кабинет и уже хохочут: "Мы зашли, она и спрашивает — а вы кто будете?" Мы честно говорим: "Баптисты!" Она с облегчением комментирует: "Слава Богу, что баптисты, а то я уж боялась, что протестанты!". Вскоре хохотал уже весь РАГС, когда потрясая георгиевскими крестами на могучем бюсте, "мать казачья" вещала с большой трибуны, что она думает о религии и религиозной политике. Даже довольные поначалу таким оборотом, православные батюшки, появляясь по своим делам в наших коридорах, вскоре стали заныривать в ближайший кабинет и прятаться чуть ли не за вешалку, увидев издали красные сапожки и вышитую сорочку. Потому что, настигнув священника, "боевая подружка" начинала его истово лобызать, засыпать всяческими вопросами и многоэтажными идеями и предложениями. Что же до меня, то я, как тот хакас в степи, продолжала жить по принципу "что вижу, — то пою", комментируя все происходящее с тем же удовольствием, что и сейчас. Надо ли говорить, что вскоре на меня начались гонения, о которых я прежде и подумать не могла. Сперва меня отстранили от любимой работы. Затем перевели от моей Натальи Игнатьевны и определили под начало к новому человеку, приглашенному в команду Лебеда со стороны, его же непосредственным начальником была сама бабуля. Заставили меня выполнять механическую работу по вырезыванию ножницами и складыванию в стопочки каких-то газетных заметок. Начали контролировать мои уходы и приходы на преподавательскую работу, а потом в один прекрасный момент и вовсе запретили преподавать. Далее началось пресингование с требованием написать самой на себя лживую объяснительную, на основании которой меня могли уволить по нехорошей статье безо всякого выходного пособия. Я отбивалась изо всех сил, вместе с Натальей Игнатьевной писала докладные на имя губернатора, но становилось все сложнее и сложнее. И тут снова на выручку пришел мой старший брат. Обсудив со мной все происходящее, он предложил: "Слушай,

бабка эта впечатлительная, попробуй сделать то-то и то-то". На следующий день, всем забегающим ко мне на чашечку чая коллегам, я с горестным и задумчивым видом вещала примерно следующее: "Жалко, конечно, бабу... Но тут уж я не виновата, все видели, я терпела, сколько могла... Не понимает она, бедняга, что в силу своей специальности кое-чем я и сама владею... я же религией всю жизнь занимаюсь... да еще и эзотерикой всякой.. работа у меня такая... Конечно, начну я с немногого... только ее же зло на нее же разверну. Урочить ее пока не буду. Глядишь, еще образумится... Пусть уж на себя теперь обижаются". Надо ли говорить, что к концу дня по всему серому дому народ с интересом обсуждал эту увлекательную тему и делал стойку на будущее. Конечно, не узнать о моих разговорах "мать казачья" просто не могла. Шел весенний месяц март, на улицах было скользко и ветрено. Следующим утром, торопясь на работу, "боевая подружка" грохнулась на ровном месте, и, увы, полома-ла себе руку. Серый дом тихо охнул и притих. А я со скорбным видом целый день комментировала: "...вот, предупреждали же ее, не вняла, не покаялась... а ведь дальше и хуже может быть..." С этого дня отношение ко мне круто изменилось. После всплеска реальной паники, когда новый начальник хватал меня за руку на лестнице, трясясь и подергиваясь: "Это правда вы? Это правда вы сделали?!" На что я ласково отвечала: "Правда — правда, то ли еще будет..." — так вот после этого всплеска меня стали побаиваться и диктовать условия стала уже я сама. Оставаться в этой живописной компании разнокалиберных авантюристов у меня уже не было ни малейшего желания, о чем я и заявила начальнице отдела кадров. Оговорила оптимальные для себя условия увольнения, с годом получения полной зарплаты и решила заняться докторской, благо, что и в докторантуре РАГСА уже числилась, и материал был уже набран и осмыслен. А потом, после моего ухода начались и вовсе непредвиденные действия. Проблемы в религиозной сфере нарастали как снежный ком, решать их оказалось некому и мне снова начали звонить из серого дома, с просьбой помочь разобраться, написать ту или иную справку, проконсультировать или посоветовать. В случае необходимости за мной присылали машину, и я ехала делать то, что было реально нужно делать. Текучка кадров в команде Лебеда была колоссальная, новые люди менялись один за другим. В этот второй период мне довелось познакомиться с новым замом по социальным вопросам — Надеждой Ивановной Кольбой, которая позже окажется в том самом вертолете и разделит судьбу губернатора... Кольба была из наших, красноярских, не знаю, кто порекомендовал ее и почему она согласилась, но человеком она была замечательным. Мы сразу нашли общий язык и вопросы решали легко. А были они очень разные. Вот один из самых забавных: зная, что Лебедь благово-лит к православию, архиерей выступил с инициативой, которая повергла генерала и его верхнее окружение в легкий ступор. Епископ попросил профинансировать создание "православной кролиководческой фермы" миллионов этак за двадцать. При всей любви к православию, Александр Иванович финансировать разведение православных кроликов как-то не очень захотел. Но и как грамотно отказать, тоже не знал. Вот и пришлось писать мне официальную бумажку по этому поводу. В конце концов, меня пригласили в кабинет к еще одному загадочному человеку, которого у нас все называли "серым кардиналом". Там мне было предложено вернуться во власть, стать его личным консультантом, с особыми условиями и полномочиями. В подкрепление своего предложения мне вручили уже оформленное удостоверение новой должности со всеми печатями и подписями и... командировочное удостоверение для поездки в РАГС на ближайшую конференцию. На что я вежливо ответила, что в РАГС я и так уже лечу, а насчет предложения, спасибо, подумаю. Это удостоверение и до сего дня валяется где-то в моих обширных архивах. Потому что еще до начала этой беседы я уже точно знала, что в кабинеты здешние, ни на каких условиях больше не хочу. Уж извините...

Третья серия лебедевского призыва во власть связана для меня с именем человека удивительного, которого пригласили откуда-то с Алтая специально для курирования религиозных и общественных объединений. Мои любимые коллеги из администрации не преминули позвонить мне и весело сообщить, что новый специалист по делам религий по образованию и вовсе... ветеринар! Вскоре он сам пригласил меня познакомиться. Теперь — то я понимаю, что гордыня, это не только грех, но главное — величайшая глупость. Но тогда... Я заявила к нему в кабинет только для того, чтобы сообщить Марку Геннадьевичу Денисову, что еще только вот под началом ветеринара я религиозной проблематикой не занималась. Он выслушал меня как-то очень спокойно и с интересом... Я же через некоторое время с искренним удивлением убедилась в том, что незаменимых у нас и вправду нет, и что новый комитет работает в нашей сфере достаточно грамотно и ровно. Теперь, правда, вопросами религии в администрации занимался уже целый отдел, пять человек, специализирующихся на конкретных направлениях. Вскоре Марк Геннадьевич поступил на религиозное отделение РАГС, где пользовался всеобщим уважением, и блестяще его закончил. Спустя еще пару лет, когда страсти поутихли, этот человек оказался единственным руководителем из команды Лебеда, который был оставлен в команде Хлопонина. И тут волей — неволей, работая в одной сфере, мы вынуждены были снова пересечься. Приезжали коллеги из Москвы с большим семинаром, и готовить и проводить его нам пришлось вместе. Так вот, наш второй в жизни разговор состоялся за обеденным столом, во время перерыва. Где Марк Геннадьевич добродушно заметил: "А вас ведь дезинформировали... я вовсе и не ветеринар... я и вообще... ихтиолог. Рыбовод по первому образованию. Но это не важно, по какой специальности ты получаешь образование.. Важно КАКОЕ образование ты получаешь. Все мои первые профессора были замечательными личностями и прекрасными наставниками". Сегодня, спустя почти десять лет после этого второго разговора я улыбаюсь, думая о том, какая неожиданная штука жизнь. Марк Геннадьевич Денисов, теперь Уполномоченный по правам человека в Красноярском крае, один из самых любимых преподавателей у студентов моей кафедры религиоведения. Один из самых интересных и мудрых собеседников, и даже некоторое время один из лучших моих аспирантов.

Что до моих сегодняшних контактов с властью, то они продолжают периодически случаться. По разным темам. От экспертирования уголовных преступлений, до социологического изучения состояния дел в системе образования и воспитания, от комментариев по поводу тех или иных событийных прецедентов, до чтения лекций таможенникам или работникам силовых структур по вопросам религиозного экстремизма.

— Теперь, о методе сбора информации. Вы знаете, в советской/российской социологии не очень густо, но использовались разные схемы включенного наблюдения... Как бы Вы назвали примененную Вами процедуру? Как Вы к ней пришли? В каких случаях Вы рекомендовали бы ученым обратиться к Вашему опыту...?

— Первое, что пришло на ум — бородатый социологический анекдот. Рассказывают, что однажды к Эванс-Причарду явился один из его учеников, трепетно ожидавший вопросов мэтра о степени его подготовленности к полевому исследованию. Вопросов ему было задано два: не забыл ли он взять с собой тетрадь и карандаш для записей, и готов ли он пить со своими информантами.

Если серьезно, то фундаментальные методы в моем случае так и остались фундаментальными. Нас обучали общей стратегии проведения социологических исследований еще в вузе, но, наверное, более значимым для меня было то, что все студенты моего отца не могли прийти на зачет без дневника посещения той или иной религиозной общины. Я эти дневники из любопытства осваивала, с папиными же комментариями,

еще до института. А потом, когда моя собственная группа готовилась ему сдавать зачет, мы все, не стовариваясь, дотянули до последнего и отправились, в итоге, к адвентистам седьмого дня. Общинка у них была тогда маленькая и располагалась почти в центре, в крыле домика по улице Игарской, который они арендовали у братьев — православных. Наша доблестная компания пришла пораньше и уселась в молитвенной комнате, заняв практически все места. Бедные адвентисты все собрание кротко кучковались у входа и вели программу фактически для нас, нерадивых. И тогда же отец говорил мне о том, что невозможно изучать религию, не чувствуя людей, эмоциональной и духовной атмосферы, не понимая внутренних смыслов происходящего. Прежде чем писать о методах, хочется пару слов сказать и о методологии.

Нас учили видеть в частном и даже сугубо личном, объективно — исторические социальные детерминанты и проекции. Что породило англиканскую церковь? Любовь Генриха восьмого к Анне Болейн или контекст разворачивавшейся реформации? В моем видении правильный ответ: и одно и другое. Но второе важнее. Ведь нашего Ивана Грозного ортодоксальное православие не остановило в его матримониально — садистских эксцессах, и даже не притормозило... Так же как и папу Александра шестого его ортодоксальное католичество. Нас учили видеть за деревьями лес, видеть целостность и детерминанты движущегося и изменяющегося социального процесса. Методологический кризис западной социологии с его стыдливими дескриптивно — фиксирующими методами, вызывает у меня ассоциацию с выражением, которое стало у нас модным только после перестройки "это не мои проблемы". Социальные факты и социальные коллизии? — так, всяческие частности, рождающие новые частности, в контексте слабо прогнозируемых или вовсе непрогнозируемых и, следовательно, абстрактно — стихийных социальных протуберанцев. В свете все того же постмодернизма, только слегка извне и сбоку.

Нас учили другому, например тому, что в нашей стране у нас у всех проблемы общие. И с ними можно и нужно что-то осмысленно делать, искать и находить верные методы, ибо всякая проблема — это, по сути, задача, требующая грамотного решения. А критерий истины — социальная практика и ее реальные последствия (прошу прощения за столь материалистический идеализм). И еще нас учили видеть человека. Не абстрактного "субъекта", а личность, такого же, как и ты сам, но иного и нуждающегося в понимании или для меня, или для него, или для всех нас, потому что все мы "в одной лодке". Может быть, потому, что наша страна полиэтнична, а ментальность соборна, изучать кого-то в жесткой поляризации субъект — объектных отношений представлялось мне, мягко говоря, позицией не слишком этичной. Хотя и с пониманием, как достаточно практичной, инструментальной и даже, быть может, эффективной... В целерациональной парадигме, рождающей инструментализм, аномию и угрозу вырождения целым народам. Поэтому да, "понимающая социология", да, антропологическая парадигма, но с поправкой на исторический объективизм. И снова о методах. Да, позитивизм, да, протоколируемость, да, сбор и анализ максимального количества и разнообразного качества источников информации, документов на любых видах носителей. Только вот столь универсально используемый Интернет, как основной или единственный источник объективной и полной информации (имея ввиду и сайты самих религиозных сообществ), вызывает у меня значительные сомнения, неоднократно проверяемые и подтверждаемые практикой.

Базовым методом было и остается живое, полевое социологическое наблюдение. И включенное и невключенное, и открытое и закрытое, и прямое и косвенное с жесткой, последовательной фиксацией всего, что относится к объекту и предмету исследования. В соответствии с целями и задачами собственно научного изучения конкретных феноменов.

Причем, мой опыт показывает, что иногда, открытое и не-

включенное наблюдение может дать информации не меньше, а даже больше, чем закрытое включенное. Все зависит от конкретной ситуации. Приведу буквально пару примеров из своей практики. Когда в августе 1994 года я согласилась принять участие в работе первой официальной комиссии администрации Красноярского края по изучению нового религиозного движения последователей Виссариона Минусинского, то отправиться в Курагинский район я решила не с членами комиссии на черных "Волгах", а своим ходом и посмотреть на ситуацию, что называется "изнутри". Пришла на городскую виссарионовскую тусовку по объявлению на ближайшем столбе и уже через пару дней ехала на встречу с лидером движения в Курагино. Там по субботам происходил конвейерный прием страждущих, которых "гуру" посылал кого подальше, кого поближе — в одно из его поселений, разбросанных по трем близлежащим районам. Несколько напрягло меня то, что за полгода до этого я весьма несерьезно вела себя на первой такой аудиенции в Минусинске, куда мы съездили с группой разношерстных ньюэйджеров. Когда американка — бахаи Джанет Кестер очень вежливо и серьезно спросила нашего Сергея Анатольевича Торопа: "А вы правда уверены в том, что вы — Христос?", сохранить полностью приличное выражение лица у меня просто не получилось. Но в Курагино все обошлось. Когда я блеющим голосом, покрывая красными пятнами, робко спросила у Виссариона: "...а вы меня не помните?...", он снисходительно улыбнулся и прокомментировал что-то вроде: "много вас таких тут ходит, всех не упомянешь...", что сразу меня и успокоило. Послал он меня в деревню Журавлево, где следующие четыре дня я наблюдала за происходящим и знакомилась с народом в качестве рядового потенциального последователя. Кое-что узнала, но не так чтобы слишком много. И уже собралась было уезжать... как руководством общинного поселения было объявлено, что "к нам едет ревизор, сиречь комиссия из администрации края и надо решить, о чем им говорить, а о чем — нет". Ух ты! Вот это здорово! — подумала я и решила немного подзадержаться. Вечером собралось тридцать девять человек, из них двадцать один мужчина, и стали обсуждать: "а вот про то облако на молении, когда оно засияло, а потом радуга... это комиссии говорить не будем... а то еще решат, что мы тут все чокнутые... А про шерсть, которую мы закупили, и из которой мы хотели коллективно нитки прясть и носки вязать, а потом женщины не договорились и вся шерсть погнила... тоже не будем... Эх, а помните, мы еще такой мостик красивый хотели построить... Давайте расскажем им, какие мы все дружные... И это..., еще: почему не все сегодня пришли? Давайте на следующий сбор закрепим за активом тех, кто не пришел, и будем за ними заходить и приводить! И вот: мы же женсовет никак не выберем, давайте сейчас и проголосуем!". Чем дольше я все это слушала, тем веселее мне становилась, и тем отчетливее было впечатление, что где-то и не однажды я это все уже наблюдала. Ну, конечно же! Когда под занавес этого бурного собрания кто-то взял гитару и все вдохновенно запели: "Я в мир удивительный этот пришел, отваге и правде учиться, единственный друг, дорогой комсомол, ты можешь на нас положииться!!!" — все стало ясно — понятно. Перед тем как разойтись, было предложено представиться всем новеньким, поскольку тогда еще со всей страны народ подъезжал и подъезжал. По кругу вставали и отрекомендовывались прибывшие из разных мест, моя очередь была последней. Народ уже потихоньку елозил, привставал, поглядывал на часы, переговаривался... Когда я кротким голосом сообщила, что вообще-то люди мы местные... из Красноярска... интересующиеся... и ... я и есть та самая комиссия из администрации края! Финальная сцена гоголевского "Ревизора": все ахнули и замерли в тех позах, в которых застало их это неожиданное сообщение. А дальше... дружный громовой хохот и бурные коллективные аплодисменты. Интуиция меня не подвела, и ребята оценили репризу с соответствующим восторгом!

В последующие два дня я увидела и узнала столько, сколь-

ко при закрытых включенных наблюдениях могла бы не узнать и за месяц. До этого я жила в своеобразном "общезитии" для вновь прибывших — опустевшем детском садике, снятом с государственного финансирования, где народа было довольно мало, а тут меня потащили знакомиться по всем домам. Причем увидеть пришлось и много такого, что не только проясняло ситуацию, но показывало и ее проблемные зоны. Вот один из наиболее жестких эпизодов и для меня, и для верующих. Чтобы переписать и отдать мне несколько видеокассет с материалами о жизни общины, каковых всегда снималось очень много (а в те первые годы еще и без внутренней цензуры), меня пригласили в гости к Лене З., московской художнице... Дверь домика нам открыла молодая женщина, в длинном платье, с толсто забинтованными ступнями. На мой вопрос она небрежно ответила: "Ах это? Обыкновенная чистка... всякая грязь выходит...". Словечко "чистка" из ньюэйджевской лексики мне тогда уже было хорошо знакомо. В темноватой, после уличного солнца, комнате, я пошла к окошку на чьи-то слабые стоны... В кровати лежала девочка лет семи с закрытыми глазами, в жару, тяжело дыша, вся покрытая гниющими язвами и болячками, слегка замазанными зеленкой. "У нее тоже чистка!", — бодро заявила мамаша, — да, температура есть, около сорока, а как же иначе — вся греховная грязь выгорает..., нет, врача не вызывала, и на порог не пущу! Учитель же сказал, что это мы сейчас пройдем, а при трансмутации космоса все остальные вымрут, а мы омолодимся... Ну а если умрет... значит, карма такая... учитель же сказал, что просто тело поменяется и ничего страшного...". На следующий день в этот домик по улице Лесной приехала бригада медиков, девочку госпитализировали, семью начали лечить, диагностировав стафилококковую инфекцию. И, конечно же, с моей подачей. А как бы вы поступили в такой ситуации? С позиции нейтрально-научной наблюдающей социологии? Когда через полтора года мы проводили комплексное исследование ситуации в центральных поселениях виссарионовцев, то большую часть наших специалистов в комиссии составили именно медики. Обнаружили и массовые дерматологические инфекции, и проблемные прививки у детей (район этот — один из самых неблагополучных по туберкулезу), у многих людей были выявлены впервые образовавшиеся камни в почках, им всем были переданы соответствующие медицинские заключения. Причины последнего мы указали две: повышенную минерализацию воды в местных колонках и ограничение жидкости в рационе последователей, в связи с тогдашней рекомендацией Виссариона как можно меньше пить, перейдя на... свежеевыжатые соки. Себе, вероятно, он такую роскошь позволить мог... После нашей комиссии, "мессия" снял ограничения на потребление жидкости и ряд продуктов, в том числе молочных и много на что еще... Последние десять лет он и вовсе предпочитает не только не ссориться с властями, но и сотрудничать, где это только возможно.

К вопросу о качественных методах исследования. Знакомство с разнообразными зарубежными социологическими теориями на эту тему, особенно после появления интернета и информационного прорыва произошло спонтанно и одномоментно. Впечатление от обилия новой и интересной информации было примерно такое же, как у того персонажа из анекдота, которому случайно попал в руки энциклопедический медицинский справочник. Все описанные симптомы всех существующих диагнозов у самого себя были с большим интересом и увлечением выявлены. Кроме, единственно, внematочной беременности и то только потому, что он был мужчиной.

При некотором желании, зарисовки подобные приведенной выше, которых в моей коллекции достаточно большое количество, можно интерпретировать и в свете этнографического (антропологического) метода, и как иллюстрацию в духе драматургической социологии Гарфинкеля, и как версию драматической социологии с использованием метода наблюдающего участия по Алексею Кейс-стади? Конечно. Биографиче-

ское тематическое интервью? — непременно! Глубокое и длительное погружение в повседневный мир верующего? — разумеется! и многое другое такое же.

С той лишь оговоркой, что многие годы своей научной деятельности, на практике используя едва ли не весь комплекс качественных методов исследования, прежде всего для выявления сути происходящих процессов и обнаружения глубинных личностных мотиваций, я не считала в принципе возможным публиковать имеющиеся у меня материалы личного характера, касающиеся моих информантов. Даже то немногое, что я здесь рассказываю, публикуется впервые, до этого я использовала такого рода примеры только устно и только на лекциях по социологии религии для своих студентов.

Практически во всех моих научных публикациях, будь то статьи, монографии или обе диссертации в качестве подтверждающего или объясняющего материала используются в основном цифры — результаты и показатели разнообразных количественных исследований, данные опросников и анкет, документы самого разнообразного типа, безусловно фиксирующие те или иные конкретные факты надличностного характера.

Почему? По целому ряду причин. Во-первых, исходя из этических соображений в отношении своих информантов. Люди мне доверились, открылись, что-то рассказали о себе. И даже не "что-то", а очень и очень личные вещи, включая интимные. Для меня многое стало проясняться. Но я не могу публиковать, за протоколировав и предъявив некие отдельные или уникальные ситуации и судьбы в качестве серьезного объясняющего аргумента, тем более, универсального. Хотя повторяющиеся ряды фактов такого рода многое выявляют. Болезни, чаще всего онкология... Когда хватаются за любую соломинку. Чаще гибнут, но иногда все же исцеляются или консервируют процесс. Мировоззренческие надломы. Психологические травмы. Сексуальные проблемы. Однажды ко мне обратилась женщина, взрослого сына которой чуть живого, почти умирающего с весом около сорока килограммов, при росте сто семьдесят сантиметров, привезли домой из одной маленькой, но весьма заметной религиозной общины в окрестностях нашего города. Все документы, включая результаты сразу сделанных ему анализов, эта женщина мне передала, и их я предъявить могу, если возникнет такая необходимость. У парня, как и у большинства членов этой религиозной группы — жесточайшая аутоагрессия, на первый взгляд ничем не мотивированная. Едва поднявшись, он снова стал рваться туда обратно... к своей молодой жене. Людей там было всего пара десятков, все молодые, активные и, на внешний взгляд, чрезмерно аскетично — фанатичные. Все из хороших семей, вчерашние студенты, до этого совершенно обыкновенные, социально адаптированные. И вдруг, ни с того, ни с сего ударившиеся в какую-то очень странную религию. Здесь — посты, больше похожие на перманентное голодание, едва ли не круглосуточные молитвенные бдения, покаяния, ледяные обливания, тяжелейшая выматывающая работа в виде послушаний, холодный плохо отапливающийся дом, "братско — сестринские" отношения между супругами... Так и хочется про "кодирование — зомбирование" вернуть — сразу станет "все понятно": и кто виноват, и что делать. Пришлось зайти туда при помощи все того же метода закрытых включенных наблюдений. Просто потому, что иначе никак понять происходящее не удавалось. Через несколько недель, влившись полностью в жизнь этой маленькой группы, была открыта совершенно неожиданная вещь — все эти молодые люди и девушки имели сходные проблемы со здоровьем, которые переживались всеми и каждым как личная катастрофа. У девушек поголовно, не излечивающиеся эндометриты и эндометриозы, делающие супружескую жизнь почти невозможной и при любых раскладах — бесплодие, у юношей — импотенция на фоне различных поставленных и не поставленных диагнозов. Отсюда — истовое монашество, рефрейминг в сторону "особой избранности богом", жесточайшая аскеза, плавно перетекаю-

щая в отчаявшееся, но внешне бодрое и социально активное, религиозно окрашенное растянутое, медленное самоуничтожение. Откуда эти заболевания — бог весть: экология, образ жизни, да и психосматику никто не отменял, но... Попробуйте их переубедить и объяснить, что надо вернуться в город и жить как все... не имея надежды на самое для них главное — семью, супружескую любовь и близость, родных детей. Которых хотят, о которых мечтают, точнее — запрещают себе мечтать. И попробуйте написать строго научную статью по поводу выявленных субъективных мотиваций нетрадиционной религиозной конверсии. Да, это известные социологам — качественникам проблемы депривации и стигматизации, но в данном случае — скрытной, стыдливо — мучительной, прячущейся, не желающей собственного публичного обнаружения ни под каким видом. Такого рода примеров множество, и когда я что-то очень немногое могу рассказать, то обычно добавляю: быть может в глубокой старости, если удастся дожить, я напишу большую повесть о людях, которых я встречала в этих общинах, об их, таких непростых решениях и судьбах.

Во-вторых, материалы качественных исследований всегда рассматривались мною только как сырье, необходимое для формирования гипотезы и ее дальнейшей тщательной перепроверки. Чего я не понимаю в социологии, да, собственно, к ней и не отношу, так это бездоказательную беллетристику, сколь бы завораживающей и привлекательной она не казалась, и эмоционально окрашенный нормативизм. Да, кейс-стади классная вещь, очень яркая, живая, увлекательная. Иногда многое и очень многое проясняющая. Но если я скорблю о погибшей от артрита и истощения Жене Колпакчи, всеми преданной и брошенной в собственной религиозной общине, то я не имею права игнорировать тот факт, что сотни других людей, постепенно адаптировавшихся различными способами, продолжают здесь жить, рожать детей, строить дома и не желают возвращаться обратно в тот "реальный мир", из которого они когда — то эмигрировали в нашу сибирскую тайгу. Из огня, да в полымя... "Я предпочитаю умереть здесь, чем жить с вами, в вашей мерзости, там" — этот эмоциональный тезис я слышала неоднократно из уст многих "сектантов" и от Жени в частности... Когда я пишу все это, то отдаю себе отчет, что данный текст, будучи биографическим интервью, а не моей научной публикацией, в большей степени характеризует меня, нежели объект моего научного исследования. Поэтому и эмоциональные пассажи здесь себе позволяю.

То же самое могу проиллюстрировать и с позиции снова популярного в нашей религиоведческой среде феноменологического подхода. Иногда в исследовательской практике встречались ситуации и вопросы, ответы на которые не удавалось получить никаким из известных социологических методов. Например, я многие годы никак не могла понять, что находит в своем лидере — Виссарионе его последователи, люди в массе образованные, зрелые, умные и интересные. Каждый раз, просматривая и прослушивая множество записей с его выступлениями и, особенно, оказываясь регулярно (2-3 раза в год) на его живой проповеди я никак не понимала, что так влечет к нему его паству. Тягучие и монотонные рассуждения обо всем и ни о чем. Многочасовой льющийся бесструктурный словесный поток, который у меня вызывал только утомление, раздражение и непонимание. И стоящие на коленях, замершие в тихом блаженстве, расплывшиеся в умилении вчерашние летчик — испытатель и директор юрмальского санатория, чиновник белорусского министерства путей сообщения и учительницы начальных классов, владелец успешного питерского бизнеса и инженер с Уралмаша. Вариант возможного ответа пришел, как водится, совершенно неожиданно.

Весной 2002 года ушел из жизни Николай Антонович Трофимчук, мой руководитель, наставник и соратник. Его уход я пережила очень тяжело. Возникло чувство, что обрушилось то, на чем мы стояли крепко, рядом с ним. Кафедра религиовед-

ния РАГСА, открытая им в 1994 году, все последующие годы была единственным центром реальных религиозных социологических исследований в нашей постсоветской стране. Показалось, что центр рухнул и все разваливается за ненадобностью. С его уходом мы осиротели. И навалилась тяжелая депрессия. Состояние для меня редкое и не типичное. Осенью, как обычно, я пришла в аудиторию на вводное занятие по своей родной теме — новым религиозным движениям. Привычным жестом включила видеокассету с обзорной записью по теме, где мелькали лица наиболее известных "гуру", которую я знала чуть ли не наизусть и, сев на заднюю парту, отключилась, погружившись в сумрачную апатию. Но вдруг... я почувствовала, что мне становится легче. Словно кто-то мягкой, ласковой лапкой гладит душу и проникновенно говорит: не горюй... Все будет хорошо, все уже хорошо... я с тобой... Тебе уже легче, все проходит... Вот тут я мгновенно отрефлексовала, включила мозги, страхнула непонятную пришлую эмоцию и резко вынырнула во внешний мир. Это лилось с экрана. Виссарион мягко вещал что-то вроде: "да... конец света уже идет, скоро все погибнет, это трансформация, это нормально...". Но моей психике было все равно, что именно он говорит. Важно было — как он это делает, и как я это почувствовала. Такой вот одномоментный резонанс. И если допустить, что это типичная ответная реакция депрессивной психики на данную интонацию, то тогда все его выступления — это непрекращающийся эмоциональный кайф для внимающих. Такое вот психологически — эмоциональное обезболивание. Такой вот "опиум народа", с таким вот специфическим харизматизмом. Мне снова стало интересно. Вскоре я занялась созданием собственной кафедры религиоведения, которой руковожу и по сей день. Но могу ли я на основании данного эпизода делать обоснованные объективные выводы о природе влияния Торопа на своих последователей? Боюсь, что опять же — нет. В описанном случае все слишком субъективно и ситуативно.

Да, для меня и сегодня остается идеалом и принципиальным методологическим основанием требование максимальной объективности исследования, которое только и делает науку наукой. Хотя прекрасно понимаю, что "все мы люди, все мы человеки" и никакой субъект не может быть абсолютно, стопроцентно объективным по определению. Возможно именно потому, что сама я достаточно эмоциональна и использую эту свою черту характера в качестве эффективного инструмента (но только и именно инструмента!), там, где это, на мой взгляд, уместно и оправданно. Например, в общении, в своих устных выступлениях, в разъяснении чего-то очень важного и личностного на лекциях, или в целях популяризации. Но стараюсь никогда — в качестве серьезного аргумента или основания для научных оценок и выводов.

И еще немного о профессиональной этике и непреодолимых барьерах в освоении всего исследовательского поля социологии религии, особенно же в моей теме — практическом исследовании ньюэйджевских культов.

Как правило, этические кодексы социологов связаны, прежде всего, с конфиденциальностью информантов, не причинением им вольного или невольного зла, компенсацией их участия в процессе исследования и т.д. Или с проблемами ангажированности или неангажированности самого исследователя. Но иногда возникают и иные ситуации. Например, проблема личной неприкосновенности самого социолога и его право на собственную этическую автономию. Году в 2003 у нас в городе стали появляться "анастасийцы", последователи Мегрэ — Пузакова. Их первая официальная группа была зарегистрирована Минюстом в статусе общественного экологическо-просветительского объединения с лирическим названием "Весна". Мой приход к ним не мог уже остаться незамеченным. Личико мое теперь регулярно мелькало по телевизору с разнообразными религиоведческими комментариями, а в группе, конечно же, оказались люди из разных других однотипных объединений,

меня давно знавших. Однако, первое напряжение в мою сторону у народа быстро прошло и я, как всегда, легко и с удовольствием включилась было в культовые действия: медитации на свечу, очищение ауры и тому подобное. Но, входя все активнее и глубже в эти вещи, вскоре я попала в непредсказуемую ситуацию. Однажды было предложено "поработать с энергиями". Все (восемнадцать человек), встали в круг по принципу мальчик — девочка, и, держась за руки, мысленно стали "передавать энергию" сперва по часовой стрелке, потом против, и делиться своими ощущениями. Все было нормально. А вот затем нам велели развернуться направо и начать массировать спину впереди стоящего, а тебе, соответственно, то же самое делал стоящий позади. Замечу, что я вообще терпеть не могу, чтобы меня касались, тем более малознакомые мужчины. Стиснув зубы, во имя науки я решила сие действие пережить, но когда дело дошло до обсуждений, честно сказала, что все это мне страшно неприятно и что продолжать этот эксперимент дальше не хочу. Какое мощное, искреннее, проникновенное сочувствие я получила в ответ от всей этой замечательной группы! Мне хором объяснили, что у меня заблокированы жизненно важные энергетические каналы и их нужно срочно прочистить. Что это комплексы и травмы детского возраста, что мне помогут и меня от меня спасут. Для этого в ближайшее воскресенье все отправляются на чью-то дачу, где в коллективной сибирской бане мне вернут первозданную природную простоту и раскрепощенность. Больше в эту чудную группу я уже, естественно, не пришла. Так же пришлось отказаться и от исследования группы сатанистов, которое мне было в упор предложено одной из его участниц. Я даже проверять не стала, насколько реальным могло быть содержание этого приглашения. И так далее и тому подобное. У каждого исследователя существует свой уровень этических барьеров, позволяющий работать по методу включенных наблюдений. Так же, как и свой уровень экономических возможностей для того же самого. Я всегда посмеивалась, что моя работа, на самом деле — мое дорогостоящее хобби. Спасибо семье, которая всегда в моих путях меня поддерживала. Совмещая приятное с полезным, путешествия с исследованиями, я позволяла себе периодически приличные траты на эти цели. Однако, в последние десять лет и в нашей стране все активнее и напористей нишу ньюэйджевских культов стали занимать культы коммерческие. Бесплатно, как и полагается по законам маркетинга, только первое занятие. Норбековцы и сайентологи, радостейцы Дуни Марченко и неоязычники, всяческие йоги и эзотерики теперь уже бодро машут солидными прайсами, зазывая на свои поляны не за интерес, а за звонкую монету. Тут уж точно никакой зарплаты не хватит, по крайней мере российского профессора. Так что, в ряде случаев только опосредованное знакомство и остается. А жаль...

Ну и последняя часть вопроса: в каких случаях я рекомендую бы ученым обратиться к моему опыту. Мне кажется, что ученый — это человек, который уже сформировал свои взгляды, умения, навыки и является профессионалом, а то и первооткрывателем в какой-то конкретной сфере. А я уже девять лет обучаю всему вышеописанному своих учеников — студентов кафедры религиоведения. Первую курсовую работу все будущие специалисты — религиоведы пишут у нас на втором курсе по социологии религии и только под моим руководством. Таково официальное решение кафедры. Перед этим мы полтора года их тщательно готовим. Наша любимая шуточка по данному поводу — бедные религиоведы! Им-то уж никак готовую работу по своей теме не купить, потому что все работы основываются только на полевых конкретных исследованиях. Конечно, и способности, и интересы у всех разные. Но научные методы, это методы инструментальные и воспроизводимые, проверяемые и подтверждаемые. Большая часть наших дипломных работ так же основывается на реальных исследованиях различных аспектов современной религиозной ситуации. Так жаль, что слишком много места займет даже общий обзор

хотя бы наиболее интересных студенческих работ. Поэтому упомяну только самый свежий приятный прецедент. Наша выпускница этого года Марина Глазкова два последних лета провела на Урале, неподалеку от Магнитогорска в археологическом музее — заповеднике Аркаим. Вот уже более десяти лет здесь происходит мощнейшее ньюэйджевское действо, в котором количество участников ежегодно варьируется от шести до пятнадцати тысяч человек. И которое, удивительным образом, словно бы и не существует в сфере знания о насущной действительности современных российских религиоведов, включая и социологов религии. Чудны дела твои, Господи...

Марина, используя все то, чему ее научили на социологии религии, за истекшие два года, будучи еще и профессиональным фотографом, собрала интереснейший полевой материал по данной теме и оформила его в замечательную дипломную работу. В апреле текущего года она отправилась с результатами своих изысканий в МГУ на Ломоносовские чтения, где произвела маленький фурор, получила диплом за лучшее сообщение и место в бюджетной аспирантуре, куда она успешно и поступила. Мы уже ее поздравили, пожелали успеха и будущих новых научных достижений.

На сегодняшний день уже несколько наших талантливых дипломников под моим руководством защитили свои диссертации. В интернете можно найти широкое полемичное обсуждение одной из первых таких работ Татьяны Симанженковой "Движение последователей Рерихов в современной России: философские истоки и тенденции эволюции"; диссертация кандидата философских наук, защищенная в 2006 году. Здесь, на материалах более чем десятилетнего практического изучения доказывалось, что "рериховцы" в современной России, это не одно какое-то конкретное движение, а букет разнообразных религиозных направлений, весьма различающихся по всем базовым параметрам. От сугубо культурологических, до махрово-окултно — мистических. Резонанс в заинтересованных кругах вызвала и работа Елены Дерягиной "Вайшнаизм: процессы трансформации и модернизации в России на рубеже XX-XXI вв", защищенная в 2009 году. Тут мы доказываем, что наши кришнаиты имеют очень мало общего с аутентичным вайшнавским индуистским течением, но по ряду конкретных признаков явно соответствуют ньюэйджевской культовой религиозной модели. Сибирским лютеранам посвящена диссертация Вероники Гиндер, защищенная в 2010 году. Ирина Скоробогатова, работая на нашей кафедре, написала и защитила в 2011 году под руководством Смирнова Михаила Юрьевича в Санкт — Петербурге замечательную диссертацию "Харизматические церкви в современной России: на материалах Красноярского края". В июне текущего года мой талантливый аспирант Роман

Сергиенко защитил одну из первых в России диссертаций по теме "Когнитивные теории религиозного сознания: модели транскультурной репрезентации". Практическая часть исследования проводилась им в общине красноярских кришнаитов — вайшнавов. Сейчас ведется работа еще над несколькими диссертациями. Одним из наиболее интересных, на мой взгляд, является исследование "Христианские церкви и проблема ВИЧ/СПИД в современной России". Его автор Роман Ледков, наш выпускник, христианин, координатор международного центра по профилактике и борьбе с этой "чумой двадцатого века". Человек с очень сложной судьбой, свидетельствующий, что сам пришел к вере через это страшное заболевание, удивительно светлый, искренний, совершенно замечательный, стремительно прогрессирующий в научной области. Практически все эти люди мои близкие и любимые друзья, мои единомышленники и соратники, энтузиасты и работники. Вся моя кафедра — маленький дружный коллектив из тех, кто ко мне в свое время "примагнитился" и остался рядом, любимые ученики и последователи. Такая вот микросоциология. Ну и напоследок замечу, что методам непосредственно моего авторского исследования посвящено довольно много текста во второй главе диссертации Александры Филькиной "Этнографический метод в исследованиях новых религиозных движений: проблема формирования исследовательской позиции", защищенной в 2009 году в Москве, в Институте социологии РАН [2]. Девушка каким-то непостижимым способом меня разыскала, приехала, записала интервью (она родом из Томска) и сделала в своей работе попытку доброжелательного анализа. Так что, если кому эта тема интересна, то здесь можно найти еще один взгляд на данную проблему.

— Спасибо большое, Людмила, за столь интересный, содержательный рассказ о Вашей жизни и работе. Желаю успехов.

Литература

1. Атлас современной религиозной жизни России. Отв. ред. М. Бурдо, С.Б. Филатов. М.; СПб.: "Летний Сад", 2005, том I // Красноярский край.
2. Филькина А.В. Этнографический метод в исследованиях новых религиозных движений: проблема формирования исследовательской позиции. Автореф. дисс. к.соц.н. М.— ИС РАН. 2009.

Уважаемые коллеги!

Продолжается подписка на журнал

"Телескоп": журнал социологических и маркетинговых исследований" на 2014 год

Стоимость подписки для Петербурга — 1050 руб. (годовая, 6 номеров в год), 525 руб. (полгода). Для иногородних подписчиков стоимость 1260 и 630 руб. соответственно.

Можно оформить подписку на электронную версию журнала (формат pdf). Стоимость подписки на электронную версию 720 руб. (год), 360 руб. (полугодие)

Варианты оформления подписки смотрите на сайте:

www.teleskop-journal.spb.ru